

Алексей Большегоров

ХОЗЯЙКА ЧУЖИХ СНОВ

Мистическая быль

Алексей Большегоров

**Хозяйка чужих снов.
Мистическая быль**

«Издательские решения»

Большегоров А.

Хозяйка чужих снов. Мистическая быль / А. Большегоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966448-8

1940 год. Война с финнами. В результате ранения в голову старший лейтенант Митрохин видит будущее. Влюбленная в него военврач Снегирева первой распознает его дар. Владея гипнозом, Вера погружает Виктора в транс и задает ему вопросы, ответы на которые хочет получить. Манипулируя даром Виктора, она сама становится провидицей. Об экспериментах Веры узнают власти. С каждым предсказанием здоровье Виктора ухудшается. Чтобы спасти его, Вере нужны новые «пациенты», но среди них нет провидцев. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966448-8

© Большегоров А.
© Издательские решения

Содержание

Хозяйка чужих снов	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хозяйка чужих снов Мистическая быль

Алексей Большегоров

Иллюстратор Роман Монахов

© Алексей Большегоров, 2019

© Роман Монахов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-6448-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хозяйка чужих снов Мистическая быль

Глава 1

Она родилась на Псковщине, в уездном городке Остров в 1911 году. Отца помнила смутно. Родители развелись незадолго до революции, когда девочке не исполнилось и шести. Последний раз она видела его в ночь на Рождество. Отец подарил ей фарфоровую куклу с блестящими белокурыми волосами, задумчиво поцеловал в лобик и растворился в ночи. От него пахло табаком и водкой. Позже она узнала, что он мог не просыхать неделями, пока не спускал последнюю копейку. Он служил в банке и обычно снисходительное к нему начальство однажды не вытерпело. Впрочем, вынужденная отставка оказалась недолгой. Новая власть остро нуждалась в профессионалах, и его таланты оказались востребованы. Как пострадавший от царского режима, он был даже повышен в должности, а, взявшись за ум, то и вовсе сделался управляющим, став начальником над своими гонителями. Месть не входила в число добродетелей Александра Ивановича, и затаившие злобу сослуживцы записались в число его нечаянных друзей. Спустя годы они и сгубили его, написав коллективный донос в НКВД. Его, к удивлению, не арестовали, а, выразив политическое недоверие, отправили на досрочную пенсию. Повторную опалу он не пережил, ударился в запой и, как поговаривали злые языки, умер под забором. Получив свободу, мать осталась без средств, и с маленькой Верой на руках перебралась в Петроград к брату. Жили тяжело, но не отчаивались. Татьяна Павловна окончила классическую гимназию с отличием, говорила на трех языках, и благодаря протекции высокопоставленного большевика, ее дальнего родственника, смогла устроиться секретарем в Смольный. Близость к власти помогла им пережить разруху и голод, а всепобеждающее жизнелюбие преодолеть трудности и невзгоды. Одаренная от природы и направляемая твердой материнской рукой Вера быстро постигала школьную премудрость. Мать не могла нарадоваться успехам дочери, и когда повзрослевшая Вера объявила ей, что станет врачом, безоговорочно поняла и приняла ее выбор.

Шли годы. Вера выучилась, пошла работать. Угловатая некрасивая девочка подросток превратилась в привлекательную, знающую себе цену женщину. Нет, красавицей она не стала, но приобрела шарм и скрытую флером добропорядочной воспитанности чувственность. Ее невысокий рост с лихвой возмещали огромные, унаследованные от матери, цыганистые глаза, томно обволакивавшие вас при первой же встрече. Густые, темно-русые волосы свободно ниспадали на плечи и придавали ее лицу женственность и обаяние, тогда как длинные, трепещущие, словно на ветру, ресницы сообщали ему тот самый, дышащий соблазном бархатный взгляд, от которого теряли голову закоренелые холостяки и отпетые женоненавистники. Ладное, слегка пышное сложение делало ее похожей на мопассановскую Пышку, а незлобивый отходчивый характер, легкость в обращении и живость нрава широкими смелыми мазками дописывали ее портрет. Мужчины заглядывались на нее, некоторые были настойчивы. Она догадывалась, что нравится многим и, отпуская временами погулять на воле свою чувственность, обычно, останавливалась на полдороге. Она не спешила. Примеры чужой уступчивости не вдохновляли Веру. Она знала цену мужским обещаниям, брошенным в минуту желания. Увлеченная медициной она допоздна задерживалась в институте, оставалась на ночные дежурства и не задумывалась о браке. Она мечтала о поприще хирурга, а не мужниной жены или удачливой любовницы. И здесь она преуспела, ее заметили. Выдающийся нейрохирург того

времени профессор Поленов пригласил ее к себе в клинику. А в декабре тридцать девятого военврач Снегирева отправилась на свою первую войну...

Паровоз издал истошный гудок, и состав тронулся, медленно набирая ход. Через два часа санитарный эшелон подошел к линии фронта. Впереди шел бой. Финны сопротивлялись отчаянно, наступающие войска Красной Армии несли огромные потери, пытаясь выбить их из здания вокзала. Полоса вражеской обороны опоясывала железнодорожную станцию Койвисто и упиралась в берег Финского залива хорошо оборудованными дотами. Шквальный пулеметный огонь не позволял бойцам обойти станцию с флангов, залпы орудий крошили лед, блокируя попытки советских танков прорваться к Выборгу со стороны залива. Танковый взвод старшего лейтенанта Митрохина, вел бой за высоту 45 в двух километрах к востоку от Койвисто. Запросив поддержку артиллерии и используя дымовую завесу, легкие Т 26 незаметно подобрались к высоте и, оказавшись на позиции огня, прямой наводкой расстреливали орудия противника. Финские расчеты, не предупрежденные собственной пехотой, увидев на позициях русские танки, в панике разбежались. Их старые гаубицы времен японской войны, доставшиеся в наследство от русской императорской армии, не могли бить прямой наводкой, и застигнутые врасплох финны так и не сделали ни одного выстрела. Овладев высотой, Митрохин развернул свои танки, и на полном ходу подлетел к станции. Зайдя в тыл финской обороне, Т 26 молниеносным броском прорвались к вокзалу, открыв по нему прицельный огонь из пушек. Деревянное здание запылало. Спасаясь от огня, финны падали как подкошенные, попадая под пулеметные очереди стремительно несущихся танков. Надрывно рыча моторами, быстроходные Т 26 догоняли несчастных и, прекратив убийственный огонь своих башенных пулеметов, давили людей гусеницами. Клацая железом, они наматывали на них дымящиеся, порванные в клочья человеческие останки, закатывали их в землю, оставляя красно-черные полосы на еще не тронutom дыханием войны снеге. Чудовищная вакханалия кровавой охоты туманила рассудок танкистов, а отчаянный бег обреченных на заклятие жертв только подстегивал животный инстинкт убийства. Еще чуть-чуть, и поднятые в атаку красноармейцы оказались бы под гусеницами летящих навстречу им танков. Митрохин опомнился вовремя, приказав экипажам глушить моторы.

Последние две версты и состав остановился в двухстах метрах от догорающего вокзала. Начали принимать раненых. Много тяжелых, подорвавшихся на минах, с оторванными или обмороженными ступнями, красно-синими пальцами на руках и ногах, они стонали и умоляли пить. Вера разрывалась на части, так много надо было успеть. Одну операцию сменяла другая, поток раненых нарастал с каждым часом. Бой ушел далеко вперед, враг отступил к Выборгу и грохот несмолкающей канонады доносился с противоположного берега залива. Вера забыла, когда спала, но усталости не ощущала вовсе. Ее лицо лихорадочно горело, движения приобрели четкость, пальцы безошибочно чувствовали чужую страдающую плоть. Постоянно сталкиваясь со смертью и наблюдая ее в разных, нередко неприглядных подробностях и ипостасях, она со всем максимализмом молодости ненавидела ее и боролась с ней, как только могла и умела. А умела она немало. Ночные бдения и дежурства, бесконечные вскрытия и операции под руководством великих учителей научили ее профессии. В свои двадцать восемь она состоялась как врач и стала неплохим, очень неплохим хирургом. Но не одна нейрохирургия занимала ее. Еще студенткой она увлекалась психологией и психоневрологией, исследования академика Бехтерева возбуждали ее ум и будили воображение, а слухи чем занимаются доктора Кажинский и Сагилевич, проводившие секретные опыты над людьми в Институте мозга под патронажем Особого отдела НКВД, приводили в священный трепет.

Взгляд умершего ночью солдата целый день не выходил из ее головы. Его синие, обжигающие морозом глаза, казались огромными на истонченном побелевшем лице. Всякий раз, когда он слышал ее голос, они настойчиво искали ее глаза, пытаясь ухватиться за них, как за спасительную соломинку. Ему уже нельзя было помочь, ампутацию сделали слишком поздно

и сепсис захватил весь организм. Ее не было рядом, когда он умер, но перед тем как уйти в операционную, она подошла к нему, чтобы поправить сползшее на пол одеяло. Его взгляд поразил ее. Нет, в нем не было страдания или мольбы, ничего такого она не увидела в этих распахнутых навстречу неизбежности глазах. Взор солдата светился ужасом, он исходил откуда-то изнутри, из самого его естества. И это не был ужас страдания тяжело раненой и умирающей плоти. Равнодушное к боли тело не чувствовало ее. Ей вдруг открылась та жестокая беспощадная истина, что она видит страдания обнаженной одинокой души, идущей навстречу неведомому. Уход из материального осязаемого мира пугал солдата тем запредельным одиночеством, в котором сейчас пребывала его душа. Она кожей чувствовала этот льющий из его глаз леденящий поток, он струился уже по ее лицу, сковывал и обдавал холодом ее собственное тело. Страхнув оцепенение, она отпрянула назад и, забыв про одеяло, в смятении выбежала прочь.

Покончив с операциями, Вера вышла подышать из пропахшего бинтами и карболкой вагона. Морозная свежесть пьянила ее и, держась рукою за поручень, она долго стояла, с наслаждением вдыхая ледяной, пропитанный утром воздух. Вокзал сгорел дотла. Одна лишь печная труба, взорванная посередине, печально напоминала о нем. Закутавшись в уютное тепло полушубка, Вера двинулась вперед по железнодорожному полотну. Легкая поземка бежала ей навстречу, поднимая перед собою мелкую снежную пыль. Стук саперных молотков разрезал хрустальную тишину дня. Финны заминировали ближайшие подходы к станции, и все пространство перед вокзалом было усеяно минами. Закончив разминирование, саперы перешли на другой, более дальний участок, оставив после себя на месте еще не остывшего пепелища жизнеутверждающий знак " Проход разрешен. Мин нет». Вера подошла к знаку. Воткнутый глубоко в снег, он блестел на солнце серебристой свежеположенной краской. Она огляделась. Вокруг не было ни души. Ей захотелось осмотреть пожарище. Сделав несколько шагов, она очутилась возле камина, чья изуродованная труба грустно взирала на округу. Сама печь почти не пострадала. Только яшмовые, украшенные царскими вензелями изразцы, сильно закоптились. Она поймала себя на мысли, что вся эта прокопченная имперская мишура символично вписалась в царящую повсюду картину хаоса и разрухи. Стали подмерзать ноги и, посчитав свое любопытство удовлетворенным, она собралась, было уходить, как ее взгляд привлек круглый предмет, лежавший на почерневшей балке обрушившихся стропил. Оторванная человеческая голова мерзко осклабилась и смотрела на нее стеклянными застывшими глазами. Тщательно причесанные соломенные волосы и залихватски загнутые кверху усы, облитые черной краской, смотрелись жутковато. Очевидно, заглянувшие сюда саперы решили поразвлечься. Громко каркало воронье, доносился собачий лай. Вера прошла за пепелище и в изнеможении прислонилась к дереву. Страшная картина вчерашней бойни открылась ей. Повсюду были разбросаны раскромсанные, вдавленные в снег и еще неубранные трупы, следы от танковых гусениц проходили прямо по ним. Снег за вокзалом был часто изрезан ими. Человеческие следы и пятна крови виднелись не так явственно, легкий снежок, выпавший утром, успел припорошить их. Оголодавшие, брошенные хозяевами псы жадно набрасывались на мертвечину и, злобно порывая друг на друга, рвали на куски не успевшее окончательно заledenеть мясо. Чуть поодаль, своей очереди ждали другие, отесненные от добычи более сильными сородичами. Они то и заходились нетерпеливым, алчущим лаем. От этого зрелища Вере подурнело, тошнота подступила к горлу. Она вытащила из-за пазухи флягу и сделала пару глотков. Приятное тепло растеклось по телу, а затем навалилось безразличие. Какая-то заторможенность и тупость овладевали ею. Убрав флягу, она неторопливо и слегка пошатываясь, побрела к поезду. Увиденное ужаснуло ее, она хотела рассказать обо всем доктору Верещагину или кому-нибудь еще, но пока шла, передумала. Необъяснимая череда арестов лично знакомых ей людей и коллег по работе научили ее осторожности. Она вспомнила о Сагилевиче. Экстремальный парапсихолог и знаток гипноза тоже ведь не избежал злой участи. Пару лет назад вместе со своим куратором Глебом Бокием, руководившим тем самым Особым отделом, он

был арестован и, по всей видимости, как и сам Бокий, расстрелян. Эту новость ей полушепотом сообщила мать, до сих пор служившая в секретариате Смольного и пережившая на своем веку уже двух хозяев: репрессированного Зиновьева и убитого Кирова. Не став ни с кем разговаривать, она нырнула в свой закуток и прилегла, так и не разложив постели. Ее не тревожили, и она проспала весь остаток дня. К ночи стали свозить раненых из-под Выборга, и доктор Верещагин прислал за ней. Операцию делал он сам, она ассистировала. Проникающее осколочное ранение в голову, плюс ожоги и контузия – случай практически безнадежный. Тем не менее, все обошлось, окаянный осколок удалось извлечь, и теперь он помытый и высохший, победно красовался на сверкавшем эмалью подносе. – Молю Бога, если выживет, чтоб не остался идиотом, – более в пространство, нежели ей бросил Верещагин и снял маску. – А вы, молодец, Верочка, не будь вас рядом, я бы и не взялся, наверное. – Похвала скупого на эмоции и прошедшего не одну войну доктора была ей приятна. Но, говоря по правде, она надеялась сама провести эту операцию. Сколько раз, еще студенткой, она выдвигала письменный ящик стола с положенными туда тонкими веревочками, и самозабвенно, вслепую, опустив в него руки, вязала узелки, помногу раз связывая и развязывая веревки, представляя их сосудами, которые надо сшить только в одном определенном месте. – Редкое ранение для танкиста, – меж тем продолжал начатый разговор Верещагин, обтирая мокрое от пота лицо полотенцем. – Кажется, сиди себе спокойно под броней в башенке, да постреливай из пушечки или пулеметика, а то и просто дави супостата гусеницами, так нет же, все равно достали, да еще как, прямо в темечко! – принялся вдруг юродствовать он. Старый доктор не догадывался, что броня легких и скоростных Т 26 защищала лишь от ружейного и пулеметного огня. Орудийный снаряд прошивал как картон его тонкую броню, и танк превращался в огненную могилу для экипажа. Так и случилось вчера. После взятия Койвисто взвод Митрохина получил приказ подавить огневые точки противника у самого берега залива. Досконально зная слабые стороны Т 26, лейтенант двинул их в обход дота, где по данным разведки и вопреки бытовавшей практики, вместо станкового пулемета в его расширенном каземате спряталось проивотанковое орудие. Взлетев своим головным танком наверх укрепления, Митрохин попытался обрушить его тяжестью собственного веса машины. Построенные из фортификационного бетона стены дота выдержали, но огонь финны прекратили, едва только танк оседлал его крышу. Посчитав, что противник деморализован, Митрохин приказал водителю скатиться вниз, развернуть машину и зайти к доту с фронта, решив расстрелять замолкнувшее орудие прямой наводкой. Старший лейтенант отталкивался от своего боевого опыта. На протяжении последнего этапа этой странной зимней войны, когда советским войскам наконец удалось взломать финскую оборону, противник страсть как не любил, когда его обходили с тыла и чувствовал себя весьма неуверенно, стараясь, как можно скорее, покинуть свои укрепленные доты. На этот раз Митрохин ошибся. Артиллеристы остались на месте, и едва их прицел поймал командирскую машину, прогремел залп. Танк загорелся. От мощного взрыва у машины оторвало башню, из искалеченного корпуса повалил дым. Это и спасло ему жизнь. Вся энергия взрыва вышла вслед за башней наружу, но разорвавшийся внутри танка снаряд сильно контузил и буквально изрешетил танкистов осколками. Два члена экипажа Т 26 погибли на месте, их изрубленные обгорелые тела доставали уже позже, а окровавленного и обожженного взводного, вытащив из горящего танка, перенесли в другую машину и на всех порах за считанные минуты домчали до санитарного эшелона все еще стоявшего в Койвисто. Потом, правда, танкисты отвели душу и поквитались с финнами, превратив ощерившееся из дота орудие в рваные клоки железа, выпустив по нему оставшиеся снаряды. Когда стрелять стало нечем, они отбуксировали к доту догоравший танк своего командира и, взгромоздив его возле умолкнувшего орудия прямо у амбразуры, забросали его гранатами.

Когда Верещагин упомянул про гусеницы, Веру взяла оторопь, бойня за сторовшим вокзалом вживую предстала перед глазами, и ее прорвало: – Давить людей гусеницами! Как вы,

Федор Борисыч, говорить такое можете! А еще врач, фронтовик! – Веру понесло, она сорвалась на крик, потом, поняв, что делает что-то не то, осеклась и разрыдалась на плече Верещагина. – Ну-ну, полноте Верочка, успокойтесь, голубушка. Все бывает, особенно, на войне. Вы уж простите, меня дурака, – приговаривал смущенный ее слезами Верещагин и гладил беспрестанно вздрагивавшую Верину спину. Он многое испытал на своем веку, в том числе, и женских истерик повидал предостаточно, но при виде таких вот слез терялся и, по-юношески, робел. Неловко приобняв ее за плечи, он вывел Веру из операционной, сказав, что все доделает сам.

Глава 2

Прошел месяц со дня ранения Митрохина. К тому времени Выборг пал, и финское правительство, опасаясь вторжения Красной Армии вглубь страны, поспешило заключить мир. Война закончилась. За проявленный героизм, находчивость и недюжинную смекалку при взятии железнодорожной станции Койвисто его представили к ордену Боевого Красного Знамени и присвоили внеочередное звание капитана. А газета «Красная Звезда» поместила большую заметку с его портретом. Все время болезни Виктора Вера находилась подле него. Вначале в поезде, а потом в институте, в клинике профессора Поленова, куда по ее настоянию и вопреки существовавшей практики его и перевели. Доктора Верещагина, собиравшегося забрать Виктора к себе в Академию, долго уговаривать не пришлось. То, что его бывшая подчиненная неровно дышит в сторону красавца танкиста, он понял сразу и не стал чинить препятствий зарождавшемуся роману.

– Конечно, Вера, я похлопочу, но, по правде говоря, не вижу оснований переводить его к вам, да и сам характер ранения ..., – деланно засомневался Верещагин, хитровато посматривая сквозь очки на просительницу.

– Ну, Федор Борисыч, миленький, вы же можете. У нас Виктору, извините, капитану Митрохину, будет лучше, – Вера чуть покраснела и, переминаясь с ноги на ногу, пустила в дело свои трепещущие реснички.

– А как к этому отнесется уважаемый Андрей Львович? Ведь пока еще он заведует институтом, если не ошибаюсь?

– Андрей Львович согласится, я уверена, – топила в своем бархатном взгляде она Верещагина.

– Ладно, уговорили, только одно условие. Пусть ваш шеф мне сам позвонит.

– Позвонит, позвонит, завтра же и позвонит, – глаза Веры радостно засияли и, наскоро поблагодарив старого доктора, она пулей выскочила за дверь. По энергичному топоту ее стремительно удалявшихся каблучков он понял, что звонка Поленова долго ждать не придется. И действительно, на следующий день в трубке его служебного телефона в кабинете ВМА прокотал барственный баритон Андрея Львовича.

Вера не могла взять в толк, как могло случиться, что она только и думает об этом, едва ей знакомом, с лопнувшей от ожогов кожей и забинтованном с ног до головы человеке, что все свободное от операций и перевязок время проводит у его постели, заменяя собой, и сестру, и сиделку. Разумеется, она отдавала себе отчет, что ее внимание к нему простирается значительно дальше обычного интереса, который должен испытывать врач к пациенту, но ответа, почему все именно так происходит, не находила. Мысль, что она сама, избалованная мужским вниманием, попросту влюбилась, не желала уместиться в ее рациональной, заточенной на работе голове. Выздоровление шло быстро, но не все нравилось ей и было понятно в этом его выздоровлении. Необычайные и весьма странные вещи стали происходить с Виктором. В нем проснулся дар предвидения, и Вера первая распознала его. Поначалу, она восприняла как шутку или обычную попытку заигрывания с ней, когда на пятый день пребывания в клинике Виктор взволнованно объявил ей, что сегодня его придет навестить приехавшая из Одессы мать, а он не брит, да и, вообще, выглядит неважно. Вера знала, что телеграмму в Одессу его матери дали сегодня утром, так что она никак не могла быть сейчас в Ленинграде и придти проведать раненого сына. Не став спорить, она принесла бритвенные принадлежности. С ее помощью он тщательно выбрился, наодеколонился, упросил уменьшить повязку на голове, в общем, подготовил себя к мифическому, как она грешным делом подумала, приходу матери. Каково же было ее удивление, когда заглянув к нему к концу дня в палату, она увидела у кровати Виктора оживленно беседовавшую с ним женщину лет пятидесяти, которую он посто-

янно называл мама и на которую чрезвычайно походил сам. Расценив это как случайность, она не придавала большого значения происшедшему, пока Виктор не огорошил ее новым, еще более неожиданным, если не сказать, сенсационным заявлением.

Не кто иной, а первый секретарь Ленинградского обкома партии товарищ Жданов будет у них завтра в институте, посетит клинику и вручит ему, капитану Митрохину, причитающуюся награду. На этот раз, несмотря на 1 апреля, она куда более серьезно отнеслась к словам Виктора и решила аккуратно расспросить обо всем профессора. Поленов только пожал плечами. – Занимайтесь больными, матушка, а то со своим Митрохиным, вы тут у нас обо всем позабудете! – с нескрываемым раздражением отвечал он, всем своим видом показывая, что ни о каком высокопоставленном визитере ему, директору института, ничего не известно. – Может быть, мама, что ни будь знает? – подумала она. Татьяна Павловна служила в Смольном без малого двадцать лет, была на хорошем счету у начальства и, естественно, знала Жданова лично. Но и она ничего определенного сказать не могла. – Ладно, утро вечера мудренее, – решила Вера, отправляясь спать. Появившись, как обычно, к восьми утра в клинике, Вера застала там страшный переполох. Она не спрашивала его причину, она ее знала. Жданов пожаловал днем. В сопровождении многочисленной свиты и всего институтского руководства он побродил по клинике, поинтересовался над чем сейчас работает Андрей Львович, а затем зашел в палату к Митрохину, где вручил орден и ценный подарок от лица ленинградцев, как он сам выразился. Пожелав скорейшего выздоровления, вождь удалился и вскоре покинул институт. После его отъезда Поленов вызвал Веру, и мягко упрекнул ее в том, что можно было быть и понастойчивее.

– Нам известно, где трудится ваша матушка, дорогая Вера Александровна, поэтому вчера вы должны были мне сказать, как все обстоит на самом деле, без этих ваших женских штучек, намеков и околичностей. Татьяна Павловна поделилась этой новостью с вами, как с дочерью, самым близким себе человеком, и здесь нет ничего такого, что нужно скрывать, по крайней мере, от меня. Вы же знаете мое отношение к вам. Так что, на будущее всегда говорите мне обо всем этаким, чтобы мы спокойно могли подготовиться, подумать, ну, вы меня понимаете, – с этими словами он отпустил ее с миром, взбудораженную и заинтригованную крайне. – Да, ставки растут! – подумала Вера, выходя от профессора. – Он уверен, что я обо всем узнала от матери и пыталась в завуалированной форме донести ему эту новость. Что ж, пусть так. Это даже хорошо, во всяком случае, знала сама и хотела, чтобы и он знал, но сказать напрямую не осмелилась. В конце концов, время у нас такое, – не без горечи усмехнулась она. – А то, что мама в курсе подобной информации вполне естественно, как и то, что она мне сказала. Стоп. Это для нас с Поленовым естественно, для Верещагина естественно, а для товарищей из НКВД вовсе нет, совсем даже не естественно. – Вера остановилась. На стене, в главном институтском коридоре, под большим портретом Сталина, скромно притулился небольшой, сероватых тонов плакатик с обезоруживающим своей лапидарностью лозунгом по диагонали – «Не болтай!». Густая, с огненным отливом упрямая прядь давно выбилась из-под хирургической шапочки и закрывала собой пол лица, но ушедшей в себя Вере она не мешала. – Пожалуй, если у Виктора с этим его даром серьезно, сейчас куда лучше помалкивать, – не сводя глаз с плаката, рассудила она. Глубокая морщина разрежала ее лоб, по лицу пробежала тень, взгляд посуровел и стал жестким.

– Ну, как у нас дела? Нас можно поздравить? – быстро, почти скороговоркой произнесла Вера, закрывая за собой дверь Викторовой палаты и весело поглядывая на открытую, ярко красную коробочку, стоявшую на тумбочке у изголовья кровати. Кроме него в помещении никого не было. Весь народ, а в палате лежали одни ходячие, разошелся. Нежданное посещение вождя необходимо было перекурить. Не отрывая взгляда от ордена, который он держал перед собою, Виктор отрешенно бросил:

– А он ведь еще не старый, а проживет недолго.

– Тсс! Что ты такое говоришь, не смей! – испугалась Вера, усаживаясь к нему в ноги. Она сразу поняла, что он имеет в виду Жданова.

– Я говорю, что вижу.

– Но как это с тобой происходит? Как? – горячилась она, не находя ни одного, сколько-нибудь рационального объяснения.

– Да сам не знаю, засыпаю и вижу.

– Ладно, тогда ответь, сколько проживу я, когда мне предстоит умереть? – Его взгляд остановился на ней, потом он закрыл глаза и через минуту изрек:

– Ничего.

– Что, ничего?

– Я ничего про тебя не видел, когда спал, да и не могу я так, по заказу.

– Вот что, – в раздумьях проронила Вера. – Ты должен подумать и постараться вспомнить, разложить по полочкам, как это..., знание, – наконец нашла она подходящее слово, – к тебе приходит, вследствие каких причин, побудительных импульсов, каких-то разговоров..., а потом рассказать мне. Но только мне, и никому более! Не вздумай что-то ляпнуть здесь, своим по палате, или того хуже, кому-нибудь из персонала, и... – она запнулась, – Андрею Львовичу, тоже не надо. Я тебя заклинаю, Витя. Ты меня понял!? – она умоляюще, во все глаза смотрела на него.

– Да понял, понял, – глухим, но уже не таким отрешенным голосом вымолвил он.

– Вот и замечательно, а теперь отдыхай, а я пойду, поработаю, – одернув смятое одеяло, она вышла в большой задумчивости. Вера растерялась. Ее глубокий, но позитивистки воспитанный ум отказывался постичь увиденное, однако не мог и не признать очевидного. Сомнения терзали ее душу. Единственное, в чем она была твердо уверена, так это в том, что ни под каким видом и ни перед кем нельзя обнаруживать внезапно открывшиеся способности Виктора. Эту непреложную истину она сейчас и пыталась донести до него. Но донесла ли? Это вопрос! Он ведь так молод! По силам ли человеку двадцати четырех лет от роду вынести бремя такого дара, совладать с ним и не сорваться самому?!

Дома она наскоро поужинала и уткнулась в книгу. На вопросы матери отвечала односложно и невпопад. Та не стала докучать ей, и удалилась на кухню поговорить о прекрасном с тетей Аней, в прошлом актрисой провинциального театра. Мать и дочь Снегиревы занимали две сугубо смежные комнаты в относительно небольшой по ленинградским меркам пятикомнатной коммунальной квартире на Васильевском острове. Кроме них, в квартире жили тетя Аня, вдова умершего брата Татьяны Павловны, с невесткой и сыном. Они занимали тоже две, правда, раздельные комнаты, и соседка баба Маша, всю жизнь, проработавшая водителем трамвая, а теперь вышедшая на пенсию, и доживавшая свои дни в большой темноватой комнате с неприглядным видом во двор колодец. Посидев с полчаса, и не прочитав ни строчки, Вера отложила книжку и, вырвав из блокнота листок бумаги, набросала план неотложных мероприятий. Первым номером в ее списке значился поход в библиотеку и поиск материалов и, по возможности, людей, имевших отношение к засекреченным разработкам Кажинского – Сагилевича в Институте мозга. Получив допуск в фонды специального хранения Библиотеки Академии Наук, здесь ей помогли мамины связи, Вера перелопатила тьму литературы по ясновидению, природе и физиологии этого явления, и..., что говорить, приблизилась к пониманию этого феномена. Опять же пригодилась мамина муштровка в иностранных языках, без них она бы, вообще, пропала. И, наконец, надо ж такому случиться, в читальном зале она встретила старинного друга их семьи, тайного поклонника Фрейда и Заратустры, а теперь, по иронии судьбы, пишущего разгромные статьи о религии и оккультизме. Отличаясь словоохотливостью и феноменальной памятью, пожилой профессор поведал ей много интересного и невольно подтолкнул к разгадке. Теперь ей оставалось посетить Институт мозга.

– Эвон, куда хватила, матушка! – дребезжащий старческий голос вернул ее на землю – После ареста Владимира вся его группа распалась. Одних уж нет, а те далеке! Послушайте меня, старика. Не лезьте вы в это дело, а не то навлечете беду и на себя, и на Татьяну Павловну, дай бог ей здоровья и низкий от меня поклон! О себе не говорю. Итак, одной ногой стою уже в могиле!

– Сергей Дмитриевич, дорогой, скажите мне, что вы знаете, а вы ведь знаете! – она лукаво погрозила ему пальцем, пропустив мимо ушей сыпавшиеся на ее голову брюзжания, – и я уйду восвояси, – не унималась Вера. Обещаю, что никто ничего не узнает. Клянусь вам в этом, хотите, побожусь?

– Помилуйте, Христос с вами, материалистка несчастная! – затопал ногами он, видать, к старости забывший про свой атеизм и нигилизм юности. – Ну что вы, право. за человек! Пристали с ножом к горлу, нет на вас управы, ей богу! – все ворчал и ворчал Сергей Дмитриевич, приходившийся двоюродным дядькой Владимиру Сагилевичу, и по понятным причинам не афишировавший своего родства, равно как и не любивший отвечать на вопросы, касавшиеся племянника. До революции Сергей Дмитриевич жил подолгу в Острове, в тех краях его семья владела худеньким именьем, а у него самого имелась небольшая врачебная практика, правда, со временем, сама собой, захиревшая. Отец Веры приятельствовал с Сергеем Дмитриевичем, и она надеялась, что в память о нем, он не сможет отказать ей. И впрямь, старик, в конце концов, сдался.

– Ладно, Бог с вами, уговорили. Одно, помирать! – обреченно проворчал он. – Владимир, предчувствуя недоброе, примерно за год до ареста, отдал мне три папки. Все, что у него находилось дома, изъяли при обыске. У меня, кстати, тоже искали, да вот им, кукиш! Я свез их в наш родной Остров, когда навещал родимые могилки. Там и закопал, прямо на кладбище, под самой плитой отца, с правой стороны, примерно посередине. Так что, если нужно, милости прошу, на папину могилку. Папки я завернул в старую холстину и положил в кожаную сумку, типа планшета, только побольше. С такими сейчас почтальоны ходят. Вот и все, чем могу помочь тебе, дочка, – его глаза увлажнились, голова затряслась, он заплакал. Ей стало неловко и безумно жалко старика. Она смущенно и долго благодарила, обещала зайти и ушла, чтобы больше никогда его не увидеть. Спустя неделю, на святой праздник Троицы Сергей Дмитриевич скончался.

Островское кладбище она отыскала быстро. Торговавшая зеленью старушка показала ей короткую дорогу и, миновав широкий деревянный мост, соединивший берега реки Великой, она вышла к погосту. Стояло начало лета. День выдался сухой и жаркий. Высокая сочная трава обрывалась у хлипкой, расхлябистой, смотревшей в разные стороны ограды и, опоясав песчаный бугор, лениво пыливший перед входом, уходила вглубь кладбища, окружая пышным зеленым ковром кресты и могилы. Ворота были распахнуты настежь, и если кому-нибудь вздумалось затворить их, из этой затеи вряд ли бы вышел толк. Дощатые створки намертво вросли в землю, как бы не желая преграждать путь в сию скорбную юдоль печали. Она прошла вперед и, свернув направо, наткнулась на высокое мраморное надгробие. Выбитая надпись указала ей место. С минуту постояв перед могилой, она отсчитала глазами середину и, вытащив из портфеля детскую лопатку, предусмотрительно взятую с собой, взрыхлила ей землю. Отвердевшая на жаре почва поддавалась неохотно, слабенькая, годящаяся лишь для песочницы деревяшка, отчаянно трещала, впиваясь в иссохшийся грунт. Она продолжала копать, пока лопатка не уперлась во что-то плотное и плоское. Пальцы нащупали кожу. Сумка с папками Сагилевича открылась ее взгляду.

– Какая-то вы пасмурная сегодня, – заметил Вере Поленов, в перерыве заседания Пировского общества хирургов. – Случилось что-то? Дома?

– Да нет, Андрей Львович, спасибо за заботу, у нас все в порядке.

– Тогда почему в миноре? – не отставал Поленов, беря ее за локоть и уводя в сторону. Должен вам со всей ответственностью заявить, что я недоволен вами.

– Недовольны, мной? Да я ... – Вера покраснела от обиды и возмущения.

– Тише, тише, не горячитесь! Приберегите ваши порывы для кого-нибудь помоложе. Кстати, а как себя чувствует ваш протеже? – некстати вспомнил о Викторе Поленов. От выписавшегося на майские праздники Виктора целых три недели было ни слуху, ни духу. Только раз он написал ей, когда приехал к матери в Одессу. Она сразу ответила ему, но, увы, больше писем не приходило. Отпуск, данный ему по болезни, заканчивался, а она даже не знала его нового места службы. Способности Виктора развивались, и накануне выписки, погруженный в гипнотический сон, он сообщил ей дурную весть о скорой и большой войне. Она боялась за него. Боялась, что вот-вот эта проклятая война начнется, боялась, что его психика не выдержит, боялась, что он расскажет обо всем кому-нибудь в Одессе, в общем, она боялась. И ревновала. Мысль о женщинах, крутящихся вокруг Виктора, ввергала ее в депрессию. Молодой, красивый, орденосец, капитан, прошедший настоящую войну и раненый на ней; все девчонки будут его. Молодые, загорелые, уступчивые... Конечно, он позабыл ее. Уже не такую молодую и беззаботную, постоянно что-то от него требующую, заставляющую вспоминать тяжелые непонятные сны, мысли, видения. Она ревновала, она страшно ревновала...

– Вера, что с вами? – Поленов участливо смотрел на нее.

– Ой, извините, вы меня спросили о ...?

– О Митрохине, – подсказал он ей.

– Да, да я помню. У него все хорошо, писал мне, правда, уже давно, – рассеяно вымолвила она, сглотнув подступивший к горлу комок. Профессор почувствовал ее настроение, понимающе кивнул и перевел разговор на другую тему.

Глава 3

После заседания хирургического общества она приехала домой, нехотя поклевала давно остывший, несколько раз гретый ужин, и ушла в свою комнату, не поговорив с матерью. Она чувствовала, что отдаляется от нее, что былой близости между ними уж нет, но сложившийся статус кво изменить не пыталась. Татьяна Павловна относилась ко всему философски, в тайне надеясь, что ее самостоятельная, разумная, временами, даже излишне рассудочная дочь устроит свою жизнь счастливо, во всяком случае, куда лучше, чем это удалось ей самой. На письменном столе Веру ждали те самые папки, которые она привезла с Островского кладбища. Сегодня она могла честно сказать себе, что побывала там не зря. Она владела гипнозом, знала некоторые методики и умела их применять. Потом, правда, когда перешла в Нейрохирургический институт к Поленову, забросила былые увлечения, но отнюдь не забыла о них. Бумаги Сагилевича заставили вспомнить все, что она знала о гипнозе и психоанализе. Отныне каждый вечер она перебирала исписанные крупным ясным почерком, пахнувшие землей и каким-то потусторонним тлением страницы; многое из них выписывала, конспектировала, сверялась со своими старыми записями и конспектами. Документы с кладбища содержали уникальные материалы по методике гипноза, практике ведения допроса под гипнозом, а также новаторские практические рекомендации, основанные на богатом личном опыте автора. – Ничего себе, он даже барона Унгерна допрашивал! – присвистнула Вера. Документы, касавшиеся допросов белого барона в сентябре 1921 года, проводившиеся в одной из одиночных камер Новониколаевской тюрьмы, Сагилевич хранил отдельно от остальных бумаг. Изучив их, Вера поняла почему. Тайна золота барона интересовала новую власть. Из отчета Сагилевича явствовало, что здесь он потерпел неудачу. Барон так и не открыл ему место, где спрятал сокровища. Многократно апробированные методики ломались на Унгерне. – По всей видимости, мы не учли, – писал он в своем отчете на имя Бокия, что исповедующий буддизм барон владеет некоторыми, неизвестными мне психо-духовными практиками, позволяющими успешно преодолевать гипноз или быть, по крайней мере, невосприимчивым к задаваемым в гипнотическом сне вопросам. Даже самому действию гипноза он поддается плохо, – жаловался Бокию Сагилевич. – Наш Виктор, слава богу, в буддизме не замечен, – усмехнулась Вера, – и на методики уважаемого доктора должен отреагировать, как надо. Нужно только отобрать самые эффективные из них, а затем пустить на разработку способностей Виктора, направить на целевую, программную эксплуатацию его удивительного дара, чтобы сделать из него нового Нострадамуса, нашего советского Нострадамуса, черт возьми! – Один раз она уже пробовала вводить Виктора в транс и задавать вопросы под гипнозом. Результат был ошеломляющим. Он предсказал войну, то есть, смог увидеть глобальное событие, а не просто кто, когда и зачем придет. – Но войну с кем? – терялась в догадках Вера – С Германией? Но у нас с немцами дружба, да и договор о ненападении год назад подписали. Может, тогда с Англией, или Японией? Об этом он ничего не сказал, да и гипноз длился недолго. Опыта у меня в таких делах маловато, да что маловато, его попросту нет, и, как я теперь понимаю, правильной методики допроса тоже нет. Да и в палату в любую минуту могли зайти больные, или, не дай Бог, кто-нибудь из коллег. Особенно, эта продувная бестия прощелыга Фурман. Везде сунет свой длинный нос, мерзкая личность! И на меня он точит зуб! Видать, не забыл как я его отшила лет пять назад на юбилее Андрея Львовича. Да, если Йося узнает, чем я тут занималась, наверняка донос настроит, или, как минимум, деду стукнет. И тогда... – быстро представила она грядущую перспективу, – неприятностей и разных там вопросов не оберешься! Кстати, давеча дед толковал, что он мной, дескать, недоволен. Не Йосик ли постарался! Уф! – выдохнула она, – мерзкая, мерзкая личность! А вот если поработать с Виктором, – она вновь возвратилась к захватившей ее идее, – используя во всю силу уникальный инструментарий Сагилевича, да еще, чтоб никто

не мешал, тогда... – воспарила в мечтах Вера, – можно добиться подлинного прорыва! – Все более и более эта мысль завладевала ею, превращаясь в идею фикс. Теперь Виктор был нужен не одной только ей, он стал нужен науке, стране, человечеству. Но как, как ей заполучить его? Воспитанная в обстановке агрессивной оголтелости эпохи, она была, безусловно, продуктом того бурного бескомпромиссного времени, но рассказы матери, имевшей возможность наблюдать новых вождей вблизи, первые шесть лет ее собственной жизни в той старой России и, наконец, сама природа ее естественнонаучной профессии тоже кое-чего стоили. Она не стала фанатичной и не сотворила себе кумира, но ее порывистая талантливая натура жаждала поприща. Она не строила иллюзий, что к ее интересу к Виктору как мужчине добавился чисто научный интерес ученого-исследователя, а если быть честной, не он один, но не находила в этом ничего постыдного или дурного.

– Вить, а Вить, пойдем домой, чтой-то я озябла, не ровен час, простыну, – девушка зябко поежилась и, высвободившись из объятий мужчины, стала одеваться. Солнце только зашло за горизонт, с моря подул легкий бриз, привнося с собой запах тины и водорослей. Свежая прохлада наполнила воздух.

– Давай еще поваляемся чуток, неужели тебе холодно?

– Ты что, не видишь, вся кожа в мурашках! – девушка вытянула руку. Кожа от локтя до запястья и вправду стала гусиной и хорошо проглядывалась на золотистой от загара руке.

– Ладно, пошли, раз уж ты такая мерзляка! – довольно равнодушно, сделав безучастное лицо, вымолвил он, бросив небрежный взгляд на протянутую руку. Он легко мог бы настоять и заняться с ней любовью прямо здесь, на пляже, едва только стемнеет, как он не раз проделывал это с другими девушками. Но его отпуск заканчивался, и он подумал, что будет лучше провести этот вечер дома с матерью. Завтра он уезжает в часть, за сотни километров отсюда, и кто знает, свидеться ли он еще с ней? О своем, высказанном под гипнозом пророчестве, он ничего не знал. Вера промолчала о нем. Иначе, ей пришлось бы признаться, что она намеренно ввела его в транс и что-то выпытывала, пользуясь его состоянием. Ему это вряд ли понравилось бы, и она лишь сказала, что он бредил во сне. Здесь в Одессе, находясь дома, в привычной для себя обстановке, он начал забывать о своем даре, видения прекратились, вместе с ними ушли и ночные кошмары. Его дар спал, и некому было разбудить его. Поначалу, ему это нравилось, он отдыхал и наслаждался жизнью, но потом стало тяготить. Его чудесные способности куда-то исчезли, растворились без остатка в соленой воде Черного моря. Он начал тосковать по Ленинграду, по душевным разговорам с Верой, которые, как-то сами собой, плавно и незаметно перетекли в симпатию, а может, и во что-то большее. Утраченный дар и она, врач Снегирева, Вера, Верочка слились в его сознании воедино. Он уже не отделял ее от него, потому что был уверен, что без нее ему не обрести его вновь. Он не был тщеславен, но был, по-своему, честолюбив, очень честолюбив. Он подумал написать ей, когда прибудет на новое место службы.

Его письма она не застала. Она уехала из Ленинграда в конце июня, когда подоспел ее отпуск. Опять помог доктор Верещагин. Через Главное управление кадров Наркомата Обороны он выяснил предстоящее место службы Виктора, и Вера отправилась к нему. Городок Дрисса, позже переименованный в Верхнедвинск, где размещалась танковая бригада Виктора, лежал в узком междуречье Западной Двины и Дриссы, и еще со времен войны с Наполеоном здесь был устроен укрепленный лагерь. Городишко был деревянный, лишь в его центре можно было насчитать с пяток другой каменных строений. За домами проглядывались обширные огороды, сменявшиеся вишневыми и яблоневыми садами, раскинувшимися вдоль берегов. Если бы не доносившийся с полигона рев танковых моторов, ничто бы не нарушало благостную атмосферу патриархальной провинциальной глуши. Виктор со своей ротой отбыл на маневры, и ей выпало время, чтобы освоиться. Она сняла комнату в большом бревенчатом доме на крутом берегу реки, возле самого обрыва, и стала поджидать Виктора. Он пришел к ней в тот самый день. Запыленный, почерневший от загара, пропахший соляжкой и потом, с горящими

глазами на плохо отмытом от копоти лице, он сгреб ее в объятия и долго держал, целуя в губы, щеки, волосы. Она отвечала страстно, жарко...

– Как ты тут...? – смогла, наконец, вымолвить она, когда, пресытившись любовью, они молча лежали на широкой деревянной кровати в полутемной из-за наступившего вечера комнате. Ей хотелось добавить без меня, но в последний момент слова замешкались, смешались и так и не слетели с ее полуоткрытых, нежно очерченных губ.

– В норме, как видишь. Много работы. К нам поступила новая техника, так что занимаемся ею. Отдыхать, в общем, некогда, – скупно отвечал он.

– А чувствуешь, как себя? Голова не болит?

– Не болит, – тяжело вздохнул он, – но...

– Что, но, – обеспокоилась Вера.

– Я обо всем написал тебе, однако, раз ты здесь, – Виктор улыбнулся, и, взяв ее ладонь, положил к себе на глаза, – я перестал видеть, – с надрывом и болью в голосе признался он.

– Ты писал мне об этом? – наперед зная ответ, все же спросила она.

– Да, и об этом тоже.

– А ты хочешь видеть опять? Ты уверен, что действительно этого хочешь? Ведь, могут вернуться боли в голове, возобновятся тяжелые сны, видения. Тебе это надо? – нажимая на слове «надо», она пыталась убедить его, что возврат его дара потребует напряженных усилий и жертв и, прежде всего, от него самого.

– Я готов пройти через это, если ты сможешь вернуть его.

– Но зачем это тебе?

– Хм. А зачем тогда тебе, этот мой дар? Ведь он нужен и тебе, или ты за другим сюда приехала? – непроизвольно вырвалось у него. Вылетевшая пошлость больно задела Веру. Она вспыхнула, на широко открытых глазах показались готовые вот-вот скатиться слезы, но она сумела обуздать рвущиеся наружу эмоции. Ответив вопросом на вопрос, Виктор попал в точку своей бьющей не в бровь, а в глаз молниеносной догадкой. От неожиданности она смешалась, и не находя что сказать, молчала, неподвижно уставившись в засиженный мухами, давно не беленый потолок. Лгать ему она не хотела, а сейчас, после их первой близости, которую сама тайно и страстно желала, не могла сделать это, язык не поворачивался, отказываясь лгать.

– Я приехала, потому что люблю тебя. Я полюбила, как только увидела тебя, наспех забинтованного, с ожогами по всему телу, с пробитой головой и залитым кровью лицом. Я даже толком не рассмотрела тебя, и тогда, перед операцией, тоже не видела, вернее, видела, но не смотрела, не вглядывалась, что ли. – Она торопливо и сбивчиво рассказывала ему о своих чувствах, словно боялась, что ей не дадут договорить, кто-нибудь придет и прервет ее, заставит замолчать, а ей надо сказать ему еще много, много всего. – Наверное, я дура. Уважающая себя женщина не должна говорить такое, обнажать перед мужчиной свои выстраданные, сокровенные мысли, во всяком случае, не должна говорить о них первой, ну, да ладно, я выговорила, мне легче. – Она умолкла. Тишина воцарилась в комнате. Но она не давила, наоборот, освобождала. Часы ходики, мирно тикавшие на стене, бесстрастно отсчитывали бег времени, и им не было дела до того, что теперь еще для двоих на этой земле оно будет течь то быстрее, то медленнее. – Да, теперь о твоём даре, – будто опомнившись, вымолвила она – Ты прав, он нужен мне, он нужен нам обоим.

– Обоим? – машинально повторил Виктор, приходя в себя после ее сумбурного, но такого прекрасного признания.

– Да, обоим. Так вот, у меня есть план.

– План!? – не верил своим ушам Виктор, поражаясь, как эта маленькая женщина может спокойно переходить к обсуждению некоего отвлеченного плана, выплеснув из себя пронзительную и берущую за душу правду, от которой у него самого кругом идет голова.

– А что в этом странного? Ты думаешь, у меня не может быть плана? Или они бывают только у мужчин? – с вызовом бросила она.

– Да нет, я так, вырвалось невзначай, – растерянный, он шел на попятную.

– Раз спросил, тогда слушай. Я буду погружать тебя в сон с помощью гипноза. Твой мозг будет раскрепощен и свободен, на него ничто не будет давить. И тогда ты сможешь рассказать мне все, что видишь, и я уверена, с помощью моих наводящих вопросов, ты сможешь увидеть очень многое. Вот и все, если кратко.

– Я согласен, теперь ты можешь располагать мною все часы, кроме службы, естественно.

Со службой мы тоже что-нибудь придумаем, подумала она уже после. Увлеченный своими танками Виктор должен отстояться, переварить, что он тут от меня услышал. Вера блаженно вытянулась на постели. Хозяйка, добрая душа, затопила им баню. Всласть напарившись, растомленные и разомлевшие они дошли до хаты и тотчас улеглись спать. Вымотанный на ходовых испытаниях и стрельбах Виктор заснул мгновенно, а она, закинув руки за голову и прикрыв глаза, еще долго мечтала, пока любезный Морфей не сморил и ее.

Весь отпуск Вера занималась с Виктором. Каждый божий день после службы он приходил к ней голодный и уставший, она кормила его, и они начинали. А потом, спозаранку, не выспавшийся, с огромными черными подглазьями он уходил на службу. Начальство, зная, что к Митрохину приехала невеста из Ленинграда, особо не загружало его сверхурочной работой, в то время как другие командиры расходились по домам глубоко затемно. Новая техника, о которой упоминал Виктор, являлась ничем иным, как суперсовременными танками Т 34, в ограниченном количестве начавшими поступать в войска. Бронетанковое училище дало ему хорошую школу, а опыт финской войны и одесская сметливость решили дело. Виктор быстро освоил новую машину, и теперь натаскивал экипажи не только своей собственной роты, но и помогал в учебе соседям. Днями пропадая на полигоне, он был полностью освобожден от остальной невоенной рутины. Предоставленный чутким заботам Веры, Виктор делал большие успехи. На время её отпуска, с разрешения хозяйки, он переехал к ней. Домовладелица оказалась не в накладе. Откомандированные в ее распоряжение красноармейцы в один присест расправились с дровами, поправили прохудившуюся в сарае крышу, вскопали землю под будущий огород и навели марафет на остальное хозяйство Степаниды.

Методики Сагилевича, положенные на таланты Веры и желание самого Виктора, сотворили чудо. Он вновь стал видеть, его разбуженный дар окреп настолько, что уже не засыпал ни на минуту. Вместе с ним не спал и Виктор. Ценой огромного напряжения ей удавалось укротить его, дав возможность поспать Виктору хотя бы три – четыре часа, но при бешеной нагрузке на его мозг и физической усталости этого было мало. Перед нею встала дилемма. Или загнать вышедшего из бутылки джина обратно, попытавшись насильно и, скорее всего, навсегда усыпить его дар, или продолжить беспрецедентный эксперимент, рискуя потерять любимого человека. За июль, что она провела с ним, Виктор сильно похудел, лицо его посерело и осунулось, глаза светились лихорадочным блеском, неистовой силы огонь сжигал его изнутри. Она понимала, что еще несколько месяцев такой их работы, и он не выдержит, сойдет с ума или просто погибнет, умрет, разобьется. Оставить его одного, наедине с вышедшей из-под контроля энергией, она тоже не смела. Но и продлить свой отпуск не могла, сидючи в Дриссе. Решение пришло, откуда его не ждали.

Глава 4

Вера приехала в Смольный загодя. Жданов принял ее в своем кабинете на втором этаже.

– Три минуты, не более, – предупредила Веру встревоженная Татьяна Павловна – Когда время истечет, а ваш разговор, вдруг, не закончится, ты должна будешь напомнить об этом Андрею Александровичу, и если он сочтет нужным, то продлит аудиенцию сам.

– Ты уже говорила мне об этом. Не беспокойся, я все помню и не поставлю тебя в неудобное положение.

– Верочка, я же не об том! Я хочу, чтобы у тебя получилось. Ну, давай, с Богом, доченька, – шепнула она и украдкой перекрестила Веру. Затем, вывела из помещения секретариата в коридор и, проводив до приемной, сдала на руки секретарше Жданова. После убийства Кирова в Смольном стало намного больше охраны, и перед дверьми кабинета номер один, и в приемной всегда дежурили офицеры НКВД, не считая сотрудников в штатском, мирно прогуливавшихся по коридорам. Веру не стали обыскивать, ограничившись придирчивым осмотром.

– Три минуты, вы помните? – голос секретарши, как последнее напутствие, прозвучал у нее за спиной.

– Да, да, – меня инструктировали.

– Тогда все в порядке, – бросила та и распахнула дверь.

Жданов стоял у окна. Среднего роста, шатен, полноватый, с щеточкой усов на круглом, белокожем, слегка обрюзгшем лице, в сером кителе военного покроя, он быстро подошел к ней и, поздоровавшись за руку, пригласил садиться, указав на высокий, обтянутый коричневой кожей стул возле огромного письменного стола в правом углу кабинета. Его живые карие глаза с интересом изучали Веру.

– Ну-с, Вера Александровна, – мельком глянул в блокнот он, – я вас внимательно слушаю.

– Если вы помните, Андрей Александрович, – кинулась с места в карьер Вера, – в начале апреля вы приезжали в Нейрохирургический институт, беседовали с Андреем Львовичем Поленовым и потом, перед отъездом, вручали орден одному раненому на финской войне капитану. – Вера на секунду остановилась, перевела дух и продолжала. Лицо Жданова меж тем приняло отсутствующее выражение, нижняя губа оттопырилась, глаза уставились в стол. Неужели эта умная, симпатичная девушка, дочь уважаемой Татьяны Павловны, пришла сюда лишь затем, чтобы отнимать у меня время ради того капитана, очевидно, теперь прощтрафившегося или выпрашивающего хорошее назначение у влюбленной в него по уши девчонки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.